



Степной ВОЛК

Ольга Ефимова

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ольга Ефимова

Степной волк

<https://litres.ru/73988988>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бывший профилиер Анна Волкова, получившая прозвище Степной волк, живёт отшельницей в заброшенном кордоне у солёного озера. Но когда в степи находят тела девушек со странными узорами на спинах, она возвращается на службу. Кто-то копирует почерк давнего врага — неуловимого Фотографа, убившего её сестру. Анне предстоит не только выйти на след маньяка, но и узнать, что предательство может быть ближе, чем кажется. Психологический детектив о силе духа, боли и охоте, где жертва и хищник меняются местами.

Содержание

Глава	4
Пролог	5
Глава 1. Соль на ветру	15
Глава 2. Чёрный кофе и белые пятна	17
Глава 3. Белый ангел в степи	27
Глава 4. Ученик говорит	47
Глава 5. Тени прошлого	58
Глава 6. Предатель	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Ольга Ефимова
Степной волк

Глава

Пролог

Степь, двадцать лет назад

В июле здесь всё умирает. Трава становится колючей, жёлтой, как старая газета. Солнце висит над горизонтом и, кажется, не движется — просто давит, плавит воздух, превращает горизонт в дрожащее марево. Маленькая Аня Волкова сидит на крыльце дедовского кордона и смотрит, как далеко-далеко, у солёного озера, поднимается столб пыли.

— Там табун, — говорит дед, выходя с кружкой кумыса. Он высокий, сутулый, с руками, которые пахнут кожей и табаком. — Дикие лошади. Их никто не ловит, потому что нельзя поймать то, что не хочет быть пойманным.

Ане девять лет. Она не понимает, при чём тут лошади. Но она уже умеет молчать — не по-детски, подолгу, так, что взрослые иногда забывают, что она здесь. Это умение она выменяла на другое: не плакать, когда отец ушёл, не просить, когда мать работает в три смены. Дед — единственный, кто говорит с ней не как с ребёнком.

— Анька, — он садится рядом, скрипит ступенькой. — Хочешь, расскажу, почему волков в степи почти не осталось?

— Убили, — отвечает она равнодушно. В школе говорили.

— Не только. Волк сам уходит, когда его ранят. Знает, что

стая не примет слабого. Уходит в степь и там умирает. Один. Чтобы никто не видел его боли. Это честь — не обременять других своей кровью.

Девятилетняя Аня смотрит на столб пыли. Ей кажется, что лошади бегут именно туда — к солёному озеру, где вода горькая, а на берегу лежат белые кристаллы, похожие на снег. Она думает: *А если волк не хочет умирать? Если он просто прячется, чтобы зализать раны, а потом возвращается и кусает обидчика?*

Дед словно слышит её мысли.

— Тогда он уже не волк. Тогда он — шакал. Шакалы мстят стаяй, подло, из темноты. А волк либо уходит, либо бьёт в открытую. Запомни, внучка: в степи всё просто. Есть честь. И есть смерть. Выбирай честь.

Этот разговор Аня запомнит на всю жизнь. Но поймёт его только через двадцать лет, когда пуля Ковалёва войдёт ей в спину, а она не умрёт и не уйдёт. Она выберет третье: выжить и вернуться.

Три года спустя. Москва, кабинет психолога МВД.

Ане двенадцать — она на год младше остальных в кадетском классе. Сидит на деревянном стуле, поджав губы. Психолог, толстая женщина с добрым лицом, протягивает ей лист бумаги и цветные карандаши.

— Нарисуй несуществующее животное.

Аня берёт чёрный карандаш. Рисует быстро, не думая. У неё получается зверь с туловищем волка, длинной шеей, как

у жирафа, и большими ушами. На лапах — когти, из спины торчат иглы, как у дикобраза.

— Расскажи про него, — просит психолог.

— Он живёт в степи. Никого не боится, но нападает только если тронут. У него хороший слух, он слышит, когда кто-то замышляет зло. Иглы нужны, чтобы враги думали, что он опасен, даже когда он спит.

— А имя у него есть?

— Степной волк, — Аня пожимает плечами. — Но это не волк. Это то, чего нет.

Психолог делает пометку в блокноте: *Высокий уровень тревожности, компенсаторное фантазирование, признаки обсессивного¹ контроля*. Потом улыбается Ане: «Молодец, иди». Аня выходит и выбрасывает рисунок в мусорную корзину по дороге.

Ей кажется, что она нарисовала себя. Или ту, кем она станет.

Пять лет спустя. Академия Следственного комитета.

Восемнадцатилетняя Аня — лучшая на курсе по криминалистике. Преподаватели говорят: чутьё, как у голодной собаки. Она видит на месте преступления то, что другие замечают после трёх часов экспертизы. В группе её не любят — слишком тихая, слишком проникательная. Девушки шушукуются: «У неё глаза рентген, кажется, что раздевает взглядом». Парни боятся.

Один преподаватель, старый полковник с седыми усами, зовёт её в кабинет после лекции.

— Волкова, вы знаете, что такое профилирование?

— Психологический портрет преступника на основе улик, — говорит она.

— Нет. Это умение думать как преступник, но оставаться человеком. Вы сможете? Сможете залезть в голову маньяку, представить, как он душит, режет, убивает — и при этом не сойти с ума?

Аня молчит. Она уже пробовала. По ночам в общежитии, когда все спят, она закрывает глаза и представляет: вот она — убийца, сильный, злой, уверенный в своей правоте. В этих фантазиях нет страха. Есть холодное любопытство. И иногда — странное родство.

— Смогу, — отвечает она.

Полковник смотрит на неё долго, потом протягивает папку: «Это личное дело человека, который убил девять женщин в Ростове. Его не поймали три года. Я хочу, чтобы к завтрашнему утру вы составили его портрет».

Аня берёт папку. Ночью она не спит — читает протоколы, смотрит фотографии, гладит пальцами распечатки следов. Под утро она пишет на листе:

Мужчина, 35–40 лет, среднего достатка, без высшего образования. Не женат, живёт с матерью. В детстве подвергался унижениям со стороны женщин. Работа не связана с людьми — возможно, водитель, грузчик. Его почерк меняет-

ся от жертвы к жертве — значит, он учится. Он не остановится, потому что каждая смерть даёт ему минуту покоя, а потом начинается голод. Его мать всё ещё жива. Он никогда её не убьёт. Она — единственная женщина, которую он не ненавидит.

Через месяц преступника поймут. Им окажется сорокадвухлетний водитель автобуса, который жил с матерью в хрущёвке. Аня не чувствует гордости. Она чувствует, как внутри включается какой-то мотор — ровный, холодный, который не выключить. Полковник ставит ей «отлично» и говорит: «Вы будете работать на маньяков, Волкова. И это сожжёт вас дотла».

Аня думает: Пусть сжигает. Я уже сгорела. Просто тогда, на крыльце дедовского кордона, поняла это не сразу.

Четыре года спустя. Первое дело Анны Волковой.

Ей двадцать два. Она стажёр в убойном отделе Петровки. Её наставник — оперативник Олег Ковалёв, молодой, жилистый, с вечно усталыми глазами. Он показывает ей фотографию убитой девушки: разрезано горло, на животе — вырезан крест.

— Это третий случай за месяц. Два предыдущих — мужики в отставке, патрульные говорят: бытовуха, пьяный сосед. Но я не верю. Посмотри.

Аня смотрит. Долго. Потом говорит:

— Это не мужчина. Это женщина. Она убивает из ревности. Жертвы — любовницы её мужа. Муж, скорее всего, из-

вестный человек или богатый. Она не может уйти от него, поэтому мстит другим. Ищите женщину, которая в последний год резко сменила поведение: стала агрессивной, начала пить, но при этом идеально выглядит на людях.

Олег усмехается: «Вы прямо ясновидящая?». Но проверяет. Через три дня находят Веру Сидоренко, жену замминистра. Она признаётся во всём. На допросе плачет и кричит: «Они забирали его у меня! Я защищала своё!». Аня сидит за стеклом, смотрит и не чувствует ничего. Только тот самый холодный мотор гудит внутри.

Олег Ковалёв приносит ей кофе.

— Слушай, Волкова, — говорит он впервые на «ты». — Ты опасная. Но с тобой интересно. Хочешь, будешь моим профилером? Не официально, а так... на пару.

— Хочу, — отвечает Аня.

Она не знает, что через семь лет этот человек выстрелит ей в спину. Она не знает, что он друг Фотографа. Она вообще ничего не знает — как слепой щенок, который тычется носом в тёплое и думает, что это всегда будет так.

Но в тот день она просто пьёт кофе и смотрит на Олега. Он кажется ей надёжным, как стена. Она почти смеётся, когда он рассказывает анекдот про гаишника. И внутри неё, глубоко-глубоко, шевелится что-то, что она запретила себе много лет назад. Доверие.

Три года до взрыва. Семейный ужин.

У Ани есть сестра. Надя — младшая на семь лет, живая,

громкая, совсем другая. Она закончила медицинский, работает в скорой помощи. Они встречаются редко — Аня вечно на выездах, Надя в ночных сменах. Но этот вечер они договорились: суббота, у Ани дома, пельмени и старый фильм.

— Ань, у тебя опять круги под глазами, — Надя лепит пельмени, мука на носу. — Ты когда-нибудь отдыхаешь? Или ты уже превратилась в своего Степного волка?

— Волки не отдыхают, они дремлют, — Аня улыбается. Только рядом с сестрой она умеет улыбаться по-настоящему. — У тебя как? Много вызовов?

— Достаточно. На прошлой неделе везли мужика, которого жена ножом ударила. Пока ехали, он всё извинялся. Говорил: «Она не хотела, это я виноват». Представляешь, его резали, а он винил себя. Я не понимаю таких отношений.

— Люди странные, — Аня лепит кривого пельменя. — Я видела таких много. Забитые, покорные. У них инстинкт выживания перебит чем-то другим. Страхом быть одному, наверное.

Надя смотрит на неё серьёзно: «А ты боишься быть одна?».

Аня замирает. Вопрос неожиданный. Она врала бы, если бы сказала, нет. Каждый раз, когда она возвращается в пустую квартиру, ей кажется, что стены дышат на неё. Но она научилась не замечать. Как научилась не замечать усталость, голод, боль.

— Я не одна. У меня есть ты, — говорит Аня.

— А если меня не станет? — Надя смеётся, но в глазах — тревога.

Аня не отвечает. Она встаёт, подходит к сестре, обнимает. Крепко, так, что Надя охает. И шепчет в макушку: «Тогда я стану настоящим волком. И буду мстить. Всем. Даже богам».

Они смеются, и этот смех — последний, который Аня запомнит без примеси крови. Через три года она будет вспоминать его в морге, глядя на обгоревшее тело сестры. И понимать, что боги, если они есть, не слышали её слов. Или слышали — и приняли как вызов.

Полгода до взрыва. Последнее предупреждение.

Аня допрашивает свидетеля по делу Фотографа. Свидетель — пожилая женщина, которая видела подозрительно-го мужчину у подъезда последней жертвы. Женщина плохо помнит лицо, но запомнила запах: «Он пах солью. Знаете, такой — горькой, как озеро наше, где мы в детстве купались. И ещё — овчиной».

Аня записывает. Потом едет к Олегу Ковалёву в кабинет и говорит:

— Наш Фотограф не москвич. Он с юга, из степи. Возможно, держал овец или жил рядом с солевыми промыслами. Это может быть чабан, рабочий комбината, солевар.

Олег смотрит на неё странно. Молчит несколько секунд.

— Ты уверена?

— Уверена. И ещё: он не один. С ним кто-то есть. Двойной след на месте последнего убийства — один размытый, вто-

рой чёткий. Один — исполнитель, второй — наблюдатель. Учитель и ученик. Фотограф — ученик? Или наоборот?

Олег отводит взгляд. Берёт сигарету, хотя в здании курить нельзя. Затягивается, смотрит в окно.

— Ты слишком умная, Волкова. Это опасно.

— Опаснее не поймать убийцу, — отвечает она.

Он ничего не говорит. Аня уходит, уверенная, что они станут на шаг ближе к поимке. Она не знает, что Олег сразу после её ухода звонит кому-то и говорит коротко: «Она идёт по запаху. Соль и овчина. Ты был неосторожен».

На том конце провода — негромкий, спокойный голос: «Тогда пусть идёт. Достаточно близко, чтобы обжечься. У меня есть план. Называется „Сестра“».

Через шесть месяцев Надя попадёт в ту самую машину скорой. Аня не будет знать этого разговора никогда. Но её тело — то самое, с чутьём, с «рентгеновскими глазами» — запомнит запах овчины на Олеге в тот день. И когда через два года Тимофей Охрименко скажет по телефону про детдом, она поймёт всё. Поздно. Как всегда.

За час до событий

Степь, кордон. Анна Волкова — уже не Аня, не молодая, с сединой на висках, с тростью, которую пока не носит, но уже прихрамывает после старой травмы колена. Она сидит на том же крыльце, где когда-то дед рассказывал про волков. Шаман, молодой ещё пёс, вертится у ног.

Ей звонит Олег Ковалёв. Впервые за два года молчания.

— Волкова, — голос у него усталый, но деловой. — Здравия желаю. У нас тут в районе солёного озера нашли три тела. Бабы молодые. На спинах узоры. Я вспомнил твою старую работу по Фотографу. Похоже на его почерк. Приедешь?

Анна молчит. Смотрит на горизонт. Столба пыли нет — сегодня безветренно. Но в голове уже пыльный смерч.

— Ты уверен, что Фотограф? — спрашивает она.

— Не уверен. Но узоры точь-в-точь. И соль везде. И овчина в волокнах. Тебе что, больше занятий нет, чем в степи сидеть?

Она чувствует подвох. Чувствует кожей, позвоночником, ноздрями. Но чувство опасности никогда не останавливало её. Останавливало только отсутствие смысла. А здесь смысл есть: узоры папоротника, соль, овчина. Запах прошлого.

— Я приеду, — говорит она. — Но не для тебя. Для них.

Ковалёв усмехается в трубку: «Для кого? Для мёртвых? Они не скажут спасибо».

— Я не жду спасибо, — отвечает Анна и отключается.

Шаман лает, глядя в степь. Анна гладит его по голове и думает: *Волк, который вернулся, — это уже не волк. Это призрак. Но призраки иногда страшнее.* Она заходит в кордон, достаёт старый бронежилет, пистолет, диктофон. Упаковывает рюкзак. В зеркале — женщина с жёсткими глазами и шрамом на скуле.

Она улыбается своему отражению:

— Привет, Степной волк. Пора на охоту.

Глава 1. Соль на ветру

Кордон встретил Анну Волкову тишиной. Такой плотной, что звон в ушах казался отдельным звуком. Она сидела на крыльце уже полчаса, с тех пор как бросила трубку после разговора с Ковалёвым. Шаман лежал у ног, положив морду на лапы, и изредка поднимал уши — ветер доносил запахи степи, но ни одного чужого.

Анна смотрела на горизонт. Солнце только начинало подниматься из-за соляной глади озера, и небо окрасилось в цвет старой бронзы. Она знала эту степь каждым позвонком. Знала, где в мае цветут тюльпаны, а где — полынь, от которой горчит во рту. Знала тропы, по которым ходили волки, и места, где лучше не задерживаться после заката. Дед говорил: «Степь помнит всё. Каждый след, каждую каплю крови. Если ты здесь чужой — она тебя выдаст».

Анна не была чужой. Но последние два года она пыталась стать чужой для самой себя. Забыть, что умеет читать преступление по запаху овчины. Забыть, как кричала Надя во взрыве — хотя никогда не слышала этого крика, но воображала каждую ночь. Забыть, как Олег Ковалёв держал её за руку на похоронах и говорил: «Мы найдём его, Аня. Клянись».

Нашёл. Себя.

Она тряхнула головой, отгоняя мысли. Шаман поднял го-

лову и лизнул её пальцы. Пёс чувствовал перемены — он уже два дня ходил за ней хвостом, заглядывал в глаза, скулил, когда она надолго замирала. Анна погладила его по жёсткой шерсти.

— Не бойся. Я вернусь.

Шаман не поверил. Он знал, что когда хозяйка говорит «вернусь» тем голосом — это похоже на прощание.

Глава 2. Чёрный кофе и белые пятна

Архив оказался тесной комнатой без окон, с низким потолком и запахом мышиного помёта. Анна включила настольную лампу — единственный источник света, кроме тусклой люминесцентной трубки под потолком. На столе, куда ей принесли папки, уже дымилась кружка растворимого кофе. Она сделала глоток, поморщилась — горький, как польнь, но пить можно.

Перед ней лежали материалы по трём жертвам: фотографии, протоколы осмотра, заключения экспертов, показания свидетелей. Анна разложила всё в хронологическом порядке, как учили на первом курсе: первая жертва слева, вторая по центру, третья справа. Четвёртую, самую свежую, она пока отложила — слишком много эмоций. Сначала холодный анализ, потом личное.

Она начала с первой жертвы — Светланы Петровой, двадцати двух лет, пекаря. Фотографии места преступления: степь, высокая трава, тело лежит на спине, руки вдоль туловища. Никаких следов борьбы — трава не примята, нет крови вокруг, только под телом. Убийца перенёс её сюда уже мёртвой или без сознания.

Анна открыла протокол вскрытия. Причина смерти — по-

теря крови от множественных резаных ран на спине. Обезболивающее в крови — лидокаин. Следов изнасилования нет. Личные вещи: сотовый телефон, косметичка, ключи. Ничего не пропало.

— Не грабитель, не насильник, — пробормотала Анна. — Резал ради самого процесса. Ритуал.

Она перешла ко второй жертве — Ольге Мельниковой, девятнадцати лет, студентке. Та же картина: степь, руки вдоль тела, узор на спине. Но здесь было отличие — на лице застыла гримаса боли. Анна увеличила фото: глаза открыты, рот приоткрыт, брови сведены. Эта девушка была в сознании дольше, чем первая. Возможно, доза обезболивающего оказалась меньше или убийца экспериментировал.

Третья жертва — Ирина Степанова, тридцать один год, уборщица. Здесь убийца изменил почерк. Узор был не цветком папоротника, а более сложной композицией: геометрические фигуры, пересекающиеся линии, напоминающие плетение корзины. Анна долго вглядывалась, потом поняла — это стилизованная соль. Кристаллическая решётка. Тот, кто резал, знал химию или работал с солью.

Она откинулась на спинку стула. Стул скрипнул, но не сломался. Соль. Снова соль. Фотограф пах солью и овчиной, тот, кто оставлял узоры на спинах, тоже рисовал кристаллы. Связь была, но не прямая. Скорее, ученичество или одержимость.

Анна взяла чистый лист бумаги и начала записывать пунк-

ты.

Профиль неизвестного (предварительный):

Мужчина, возраст 25–40 лет. Физически силен — переносил тела на расстояние до 50 метров от дороги.

Левша, но режет правой — тренировался на животных или трупах.

Имеет доступ к лидокаину или другим местным анестетикам. Возможно, медицинское образование или работа в ветеринарии.

Знаком с анатомией — узоры глубокие, но не задевают жизненно важные органы. Он не хочет быстрой смерти.

Терпелив, расчётлив, перфекционист. Оставляет минимум улики.

Знает местность — выбирает места в степи, которые не патрулируются.

Мотив — не месть, не секс, а контроль и творчество. Он считает себя художником.

Анна перечитала список и добавила восьмой пункт:

Он связан с Фотографом. Не как ученик, а как последователь. Возможно, никогда не встречался с ним лично, но изучал его дела. Платье четвёртой жертвы — не подражание, а ритуал инициации.

Она посмотрела на часы — половина третьего ночи. Кофе давно остыл, она выпила его одним глотком, не чувствуя вкуса. За дверью архива было тихо — все разошлись, даже дежурный, наверное, дремал. Анна встала, размяла шею, по-

дошла к карте района, висевшей на стене.

Карта была старой, с отметками карандашом. Зелёные пятна — леса, жёлтые — степи, белые — солончаки и озеро. Она отметила места, где нашли тела. Все четыре — вокруг озера, но с разных сторон. Первая — на севере, вторая — на востоке, третья — на юго-западе, четвёртая — на западе. Убийца объезжал озеро, как циферблат. Или хотел создать круг.

Анна провела пальцем по карте. Если соединить точки, получался почти правильный овал. Центр — озеро Баскунчак. Что там, кроме соли? Заброшенный солевой комбинат, несколько ферм, старый маяк. Место, где можно спрятаться. И место, где можно найти вдохновение.

— Ты там, — прошептала она. — Или рядом.

Раздался стук в дверь. Анна обернулась, рука инстинктивно потянулась к поясу, где висела кобура. Но дверь открылась, и вошёл Горелов — без пиджака, в расстёгнутой рубашке, с кружкой в руке.

— Не спите? — спросил он.

— Вы тоже, — ответила Анна.

— Думал, помогу. Чай? Кофе? У нас тут ещё есть печенье, но оно 2019 года.

— Кофе не предлагайте — я уже выпила норму на неделю.

Горелов сел на свободный стул, поставил кружку на стол. Посмотрел на её записи, на карту, на разложенные фотографии.

— Вы работаете как одержимая, — заметил он. — Это помогает?

— Это единственное, что помогает, — Анна села напротив. — Что вы хотели? Не из-за печенья пришли.

Горелов помолчал, потом сказал:

— Я хотел извиниться. За морг. За свои слова про проекцию. Это было глупо и непрофессионально.

Анна удивилась — она не ожидала извинений от питерского следователя. В её опыте такие люди обычно стояли на своём до конца, даже если были неправы.

— Принято, — коротко ответила она. — Теперь давайте работать. Что вы знаете об этих жертвах, чего нет в папках?

Горелов вздохнул, провёл рукой по лицу.

— Первая, Света Петрова, работала в пекарне на окраине. Местные говорили, что она встречалась с парнем из соседнего посёлка, но парня никто не видел. У неё был дневник, но его не нашли.

— Дневник пропал? — Анна насторожилась.

— Да. Родители сказали, что она всегда носила его с собой. В день исчезновения она взяла с собой рюкзак — в рюкзаке нашли телефон и косметичку, но дневника не было. Мы думали, что она могла выбросить его, но зачем?

— Убийца взял дневник, — сказала Анна. — Чтобы узнать о ней больше. И чтобы получить удовольствие — читать её мысли, её страхи. Это интимный трофей.

— Вторая жертва, Ольга Мельникова, была студент-

кой-заочницей, приехала на каникулы. У неё тоже пропала вещь — браслет, который ей подарила бабушка. Серебряный, с гравировкой. Дешёвый, не для продажи. Трофей.

— Третья?

— Третья, Ирина Степанова. У неё пропал... — Горелов запнулся, — зуб. Золотой коронка. У неё во рту была коронка на шестом зубе. В протоколе вскрытия указано, что зуб удалён посмертно. Не выпал, не сломался — аккуратно вынут.

Анна почувствовала, как по спине пробежал холод. Золотая коронка как трофей — это уже не просто интимность. Это каннибализм символический. Убийца забирает части тела, пусть и не органические, но связанные с идентичностью. Он коллекционирует жертв.

— Четвёртая, — продолжил Горелов. — Мы не нашли платье, в котором она была до того, как на неё надели синее. Её одежда исчезла. И ещё — у неё была татуировка на запястье, маленькая, имя «Серёжа». Татуировка срезана. Не заклеена, не выжжена — именно срезана ножом, после смерти.

— Он забирает всё, что делает их личностями, — сказала Анна. — Имена, воспоминания, украшения. Он хочет оставить пустые куклы. А узоры на спинах — это его подпись. Он превращает тело в холст.

Горелов достал из кармана пачку сигарет, вытащил одну, но не закурил — покрутил в пальцах.

— Вы думаете, это один человек?

— Да. Но есть кто-то второй — наблюдатель. На месте преступления я заметила следы двух пар обуви. Один — тяжёлые ботинки, размер 43, глубокий протектор. Второй — лёгкие кроссовки, 41–42 размер. Кроссовки идут по периметру, не приближаясь к телу. Это он.

— Сообщник?

— Или учитель. Или ученик. Я не знаю. Но их двое.

Горелов, наконец, закурил, открыв форточку. Анна не возражала — запах табака перебивал мышиный дух архива.

— И что теперь? — спросил он. — У нас нет ни зацепок, ни подозреваемых. Местных проверили всех, кто был, судим за насилие — ни у кого нет алиби на все три ночи, но и доказательств нет.

— Будем искать того, кто знает о соли и о Фотографе, — сказала Анна. — Поднимите дела о нападениях на животных в радиусе ста километров за последние два года. Кто-то тренировался на скоте или собаках. И найдите мне список всех, кто работал на солевом комбинате до его закрытия. И всех, кто живёт на фермах вокруг озера.

— Это сотни людей.

— Значит, будем отсеивать.

Она встала, подошла к карте, снова провела пальцем по овалу.

— Убийца не остановится. Пятая жертва будет через неделю, если не раньше. Он ускоряется — перерыв между второй

и третьей был двадцать один день, между третьей и четвёртой — десять. Он входит во вкус.

— Мы должны предупредить женщин, — сказал Горелов.

— Комендантский час, патрулирование степи.

— Бесполезно. Он выжидает, выбирает тех, кто один, кто не привлекает внимания. Девушек, которые привыкли, что их никто не ждёт. — Анна помолчала. — Как я.

Горелов посмотрел на неё с новым выражением — не жалостью, а уважением.

— Вы не похожи на жертву, Анна Викторовна.

— Никто не похож, пока не станет ею, — ответила она. — А теперь идите спать. Завтра у нас будет длинный день.

Горелов кивнул, погасил сигарету, вышел. Анна осталась одна. Она снова села за стол, достала коробочку с вещами Нади. Открыла. Зажигалка — старая, с царапинами. Часы — стрелки остановились в 14:37, время взрыва. Прядь волос, уложенная в кружок.

Она взяла часы, поднесла к лицу. Ей казалось, что они всё ещё тикают где-то глубоко внутри её памяти.

— Надя, — прошептала она. — Если ты слышишь меня — помоги. Я не хочу подвести этих девушек, как подвела тебя.

Часы молчали. Анна убрала коробочку, выключила лампу и легла прямо на столе, подложив под голову папку. Спать она не собиралась — просто закрыла глаза, чтобы дать отдых сознанию. Но через десять минут провалилась в тяжёлый, без снов, сон.

Разбудил её шум. Кто-то громко спорил в коридоре, слышались голоса — Ковалёва и дежурного. Анна открыла глаза, посмотрела на часы на стене: 06:15 утра. Она проспала три часа.

Дверь распахнулась без стука. Влетел Ковалёв, бледный, с трясущимися руками.

— Аня, поднимайся. Пятая.

— Что? — Она мгновенно проснулась, села, схватилась за стол.

— Нашли пятаю. Час назад. Тоже в степи, в десяти километрах от города. — Он сглотнул. — На ней, ... на ней кофта Нади. Та самая, белая, с аппликацией «Ангел». Помнишь?

Анна замерла. Кофта — Надина любимая, с вышитым ангелом. Она подарила её сестре на последнее Рождество. Кофта, как и платье, лежала в коробке с вещами, которые Анна хранила в московской квартире. Но три года назад, после переезда, она не помнила, чтобы брала её с собой в степь.

— Кто-то был в моей квартире, — медленно сказала она. — Или в кордоне.

— Что?

— Эти вещи — платье, кофта — они хранились в Москве. Я не брала их с собой. Их взял кто-то, кто знал, где я живу. Или кто-то, кто следил за мной.

Ковалёв побледнел ещё сильнее.

— Аня, это значит...

— Это значит, что убийца не просто знает меня. Он был

в моём доме. До моего отъезда. Он изучал меня. Возможно, он следил за мной годами.

Анна встала, схватила куртку, рюкзак.

— Веди меня к пятой жертве. И дайте рацию, чтобы связаться с Гореловым. С этой минуты я работаю не как консультант. Я — часть команды.

— У тебя нет полномочий, — напомнил Ковалёв.

— Пусть Горелов оформит меня вольнонаёмным экспертом. Или я уезжаю сейчас же, и ты сам будешь объяснять начальству, почему упустил шанс.

Ковалёв кивнул, не споря. Они вышли на улицу, где уже ждала машина. Небо было серым, степь присыпало первым тонким слоем пыли. Анна села на переднее сиденье, застегнула ремень.

— Поехали, — сказала она. — Пока он не ушёл далеко.

Машина рванула с места, поднимая облако пыли. Анна смотрела в окно на убегающую назад степь и думала: пятая жертва — это уже не просто вызов. Это война. И у неё нет права на ошибку.

Глава 3. Белый ангел в степи

Дорога до места преступления заняла сорок минут, но Анне они показались вечностью. Ковалёв вёл машину молча, только изредка бросал взгляды на пассажирку. Она сидела неподвижно, глядя в окно, и он не знал, о чём она думает. На самом деле Анна не думала — она выстраивала стену. Кирпичик за кирпичиком, между собой и тем, что увидит через несколько минут. Кофта Нади. Белая, с вышитым ангелом. Подарок на последнее Рождество.

Она помнила тот день: декабрь, снег за окном, Надя смеётся, разворачивая подарок. «Ангел! Ты что, думаешь, я святая? Я же в скорой работаю, у меня язык как помело!» Потом они пили глинтвейн, смотрели старый фильм, и Надя уснула на диване, так и не сняв кофту. Анна тогда накрыла её пледом и подумала: *Я сделаю всё, чтобы она никогда не плакала.*

Она не сделала. Она позволила ей умереть.

— Приехали, — сказал Ковалёв, выключая двигатель.

Анна вышла из машины. Степь здесь была другой — не жёлтой, а серой, будто выгоревшей до пепла. Небо нависало низко, готовое разразиться дождём, но дождь не начинался. Вдалеке виднелись фигуры в синей форме — оцепление. И одна фигура в чёрном — Горелов, который стоял у края дороги и курил, глядя в степь.

— Долго вы, — бросил он, когда они подошли.

— Пробки, — буркнул Ковалёв. — Трактор на трассе.

Анна не слушала их. Она смотрела туда, где на земле белело что-то, накрытое простынёй. Не тело — тело было далеко отсюда, его уже увезли. Белела простыня, которой накрыли место, где тело лежало. Но Анне всё равно казалось, что она видит очертания.

— Показывайте, — сказала она.

Горелов кивнул и повёл её через степь. Трава была приямта — там прошли эксперты, там протащили носилки. Анна старалась не наступать на возможные следы, хотя знала, что их уже затоптали. Провинция есть провинция.

Они остановились у ограждения из жёлтой ленты. Горелов придержал её, Анна перешагнула. Простыня лежала на земле, обведённая меловыми метками. Рядом — таблички с номерами улик. Криминалисты уже закончили, остался только дежурный сержант с фотоаппаратом.

— Рассказывайте, — сказала Анна, не глядя на Горелова.

— Нашли в 5:10 утра. Пастух ехал на мопеде, увидел белую кофту издалека. Думал — овца, подъехал. Потом позвонил. Мы приехали в 5:40. Тело уже остыло, смерть наступила примерно в полночь. Та же картина: узоры на спине, обезболивающее, никаких следов борьбы.

— Кофта?

— Кофта на ней. Белая, с вышитым ангелом. Мы проверили по вашим старым фото — точь-в-точь та, что на вашей

сестре. — Горелов помолчал. — Простите.

— Не извиняйтесь. Что ещё?

— На этот раз он оставил послание. — Горелов достал из кармана прозрачный пакет, внутри — сложенный лист бумаги. — Нашли под телом, придавленное. Написано от руки, карандашом.

Анна взяла пакет, поднесла к свету. На листе было выведено аккуратным, почти каллиграфическим почерком:

«Степной волк, ты идёшь по моему следу. Но я иду, по-твоему. Кто быстрее? — Учитель»

Она прочитала вслух. Ковалёв выругался. Горелов молчал. Анна опустила пакет.

— Он знает моё прозвище, — сказала она. — Значит, он либо из старых знакомых, либо изучал меня очень тщательно.

— Или кто-то из наших ему рассказал, — мрачно добавил Ковалёв.

— Исключено, — Горелов покачал головой. — Я проверял всех, кто имеет доступ к информации. Телефоны прослушиваются, контакты ограничены.

— В вашей системе дырявый забор, — сказала Анна. — Я знаю, о чём говорю. Меня дважды сливали, когда я работала по Фотографу.

Она отвернулась, обошла место преступления по периметру, не наступая на простыню. Следов обуви было много — полицейские, эксперты, пастух. Но в одном месте, в сто-

роне от основной толчеи, она заметила странные отпечатки. Лёгкие кроссовки, размер 41–42. Такие же, как на месте четвёртой жертвы.

— Горелов, смотрите, — она указала пальцем. — Те же кроссовки. Наблюдатель. Он стоял здесь, метров тридцать от тела, и смотрел. Может быть, делал фото.

— Почему не подошёл ближе?

— Зачем? Ему не нужно было трогать тело. Его роль — смотреть, фиксировать, наслаждаться. Учитель и ученик. Учитель режет, ученик смотрит. Или наоборот.

Она выпрямилась, посмотрела на горизонт. В степи не было ничего — только серая трава и низкое небо. Но Анне казалось, что где-то там, за линией видимости, стоят двое. Один держит нож, другой — фотоаппарат. И оба смотрят на неё.

— Забирайте послание на экспертизу, — сказала она. — Почерк, бумага, карандаш. Может быть, найдёте отпечатки. Но вряд ли.

Она направилась обратно к машине. По пути её остановил Ковалёв, взяв за локоть.

— Аня, постой. Ты как? Нормально?

— Нормально, — ответила она, вырывая руку.

— Не ври. Это же кофта Нади. Ты должна...

— Я ничего не должна. Кроме одного: найти его. — Она посмотрела на Ковалёва в упор. — Ты помнишь, какой была Надя?

Он растерялся от неожиданности вопроса.

— Помню. Весёлая, громкая, всегда в движении. Она любила печь пироги, да?

— Шарлотку, — поправила Анна. — Она пекла шарлотку и всегда подготавливала яблоки так, что пальцы потом пахли корицей. Я ненавидела этот запах, потому что он ассоциировался с чистотой, с домом, с чем-то, чего у меня никогда не было по-настоящему. А теперь этот ублюдок надел её кофту на мёртвую девушку. Не на живую — на мёртвую. Понимаешь? Он осквернил её память. Это хуже, чем, если бы он убил меня.

Ковалёв молчал. Горелов подошёл, услышав последние слова.

— Мы найдём его, Анна Викторовна, — сказал он твёрдо. — Я обещаю.

— Обещаниями вымощена дорога в ад, — ответила она и полезла в машину. — Едем обратно. Мне нужно посмотреть на тело.

— В морг? — удивился Ковалёв.

— Нет. Я хочу осмотреть место ещё раз, но без вас. Вы мне мешаете.

Она захлопнула дверь. Горелов и Ковалёв переглянулись. Ковалёв пожал плечами, сел за руль. Горелов остался на месте — у него была своя машина.

Обратная дорога заняла меньше времени — Ковалёв гнал, почти не снижая скорости. Анна молчала, уставившись в окно. В какой-то момент она заметила вдалеке ферму — ста-

рые постройки, ржавую крышу, ни одного признака жизни.

— Останови, — сказала она.

Ковалёв притормозил.

— Что там?

— Ферма. Чья?

— Понятия не имею. Заброшенная, наверное. Таких много.

— Заедем.

— Аня, там нет ничего. Мы же в морг едем.

— Заедем, я сказала.

Ковалёв вздохнул, свернул с грунтовки на ещё более разбитую дорогу. УАЗ закрипел, подпрыгивая на ухабах. Ферма приближалась. Анна вглядывалась в очертания зданий, пытаясь уловить движение. Ничего. Только ветер гонял перекати-поле.

Они подъехали к воротам. Те были открыты — створка висела на одной петле, вторая лежала на земле. Анна вышла, достала пистолет — на всякий случай. Ковалёв сделал то же самое.

— Ты серьёзно? — спросил он. — Мы даже ордера не имеем.

— Если увидим что-то незаконное — вызовем подкрепление. А пока просто смотрим.

Они прошли во двор. Двор зарос бурьяном, в углу — остов грузовика без колёс. Хлев пустой, только запах навоза, давнего, выветренного. Жилой дом — бревенчатый, с выби-

тыми окнами. Анна направилась к нему, Ковалёв за ней.

Внутри было темно, пахло плесенью и мышами. Мебель разбита, на стенах — старые газеты. В углу — матрас, грязный, в пятнах. Но Анна обратила внимание на другое — на столе, покрытом слоем пыли, был чистый прямоугольник. Кто-то недавно ставил сюда что-то — книгу или коробку — и убрал.

— Здесь кто-то был, — сказала она. — В последние дни.

Она подошла к столу, осмотрела пол — окурки. Дорогие, с фильтром, не местные. Ковалёв нагнулся, поднял один пинцетом.

— «Мальборо», — сказал он. — У нас такие не продают. Только в области или через интернет.

Анна прошла в следующую комнату — спальню. Кровать застелена, на подушке — отпечаток головы. На тумбочке — пустая бутылка из-под воды и упаковка от обезболивающего. Она взяла упаковку, прочитала название — лидокаин. Тот самый.

— Это он, — сказала она, не повышая голоса. — Он здесь жил. Или ночевал.

— Аня, давай вызовем группу, — Ковалёв уже доставал телефон. — Это место преступления теперь.

— Нет. Не вызывай. Если сюда нагрянет полиция, он уйдёт в другое место. Мы должны взять его тут, когда он вернётся.

— Ты предлагаешь засаду? Без подкрепления, без прика-

за?

— Я предлагаю подождать. Я — здесь. Ты — в городе. Если он появится, я вызову тебя.

Ковалёв посмотрел на неё как на сумасшедшую.

— Ты с ума сошла? Ты хочешь остаться одна в заброшенной ферме с маньяком? У тебя пистолет, а у него, может быть, автомат.

— Он не использует автомат. Ему нравится нож. И я не собираюсь вступать с ним в бой. Я просто хочу увидеть его лицо, понять, кто он. И тогда мы его возьмём.

Ковалёв покачал головой, но телефон убрал. Он знал Анну — спорить с ней было бесполезно.

— Ты останешься здесь. Я вернусь в город, скажу Горелову, что ты уехала в другой район по старым делам. Но если через шесть часов не выйдешь на связь — я вернусь с группой захвата.

— Идёт, — кивнула Анна.

Он вышел, через минуту послышался звук отъезжающей машины. Анна осталась одна в заброшенной ферме. Она села на стул в углу, откуда просматривалась и входная дверь, и окно. Положила пистолет на колени. Достала диктофон, нажала запись.

— 21 сентября, примерно 9 утра. Я, Анна Волкова, нахожусь на заброшенной ферме в 15 километрах от города, рядом с местом пятого убийства. Обнаружены следы пребывания предполагаемого убийцы: окурки, упаковка лидокаина,

чистый прямоугольник на столе. Буду вести наблюдение.

Она выключила диктофон, убрала его в карман. Тишина. Только ветер гудит в выбитых окнах, да где-то скрипит несмазанная дверь. Анна закрыла глаза, но не для сна — для того, чтобы лучше слышать.

Она ждала.

Прошёл час. Другой. Третий. Солнце поднялось выше, но в доме было сумрачно и прохладно. Анна почти не двигалась, только изредка меняла положение рук. Её ноги затекли, спина болела — давала знать старая травма. Но она не уходила. Она знала: убийца вернётся. Такие, как он, всегда возвращаются на место, где чувствуют себя в безопасности. Эта ферма была его убежищем. И он придёт — проверить, всё ли на месте, взять новые вещи, может быть, привести следующую жертву.

В пятом часу Анна услышала звук. Сначала ей показалось — ветер. Но потом звук повторился — шаги. Кто-то шёл по двору, аккуратно, стараясь не шуметь. Анна сжала пистолет, замерла. Сердце билось ровно — она давно научилась контролировать пульс.

Шаги приблизились к двери. Пауза. Скрипнула половица на крыльце. Анна видела в щель: тень, высокую, мужскую. Тень замерла, будто прислушиваясь. Потом дверь медленно, очень медленно начала открываться.

Анна не дышала. В проёме показалась фигура — мужчина в тёмной куртке, капюшоне, лицо скрыто. В руке — па-

кет. Он вошёл, огляделся. Не заметил Анну в углу — глаза привыкали к темноте. Он прошёл к столу, поставил пакет, начал доставать что-то.

— Не двигаться, — сказала Анна спокойно, вставая. Пи-
столет направлен в спину. — Руки на голову. Медленно.

Мужчина замер. Потом медленно поднял руки. Анна при-
близилась, держа дистанцию.

— Повернись.

Он повернулся. Капюшон упал, и Анна увидела лицо. Мо-
лодое, лет двадцати пяти, с острыми скулами и бледной ко-
жей. Глаза — серые, холодные, без страха. Губы слегка улы-
баются.

— Здравствуй, Степной волк, — сказал он. — А я думал,
ты меня раньше найдёшь.

Анна узнала его. Это был Михаил Охрименко — сын Ти-
мофея, тот самый, чью фотографию она видела на ферме.
Тот, кто судим за жестокое обращение с животными.

— Михаил Охрименко, вы арестованы, — сказала Анна.
— За подозрение в серии убийств.

— А у вас есть ордер? — усмехнулся он.

— Будет. А пока — лежать на земле, лицом вниз.

Он не двинулся. Смотрел на неё, и улыбка не сходила с
его лица.

— Ты знаешь, Анна, почему я оставил тебе послание? —
спросил он. — Потому что я хочу, чтобы ты поняла: мы с
тобой одной крови. Ты тоже убиваешь. Просто законно. И

твоя сестра...

— Молчать! — крикнула Анна, впервые повысив голос.

— ...твоя сестра умерла не из-за Фотографа, — продолжил он, не обращая внимания. — Она умерла из-за тебя. Потому что ты была слабой. Ты не смогла её защитить. Как не сможешь защитить этих девушек.

Анна нажала на спусковой крючок — выстрел ушёл в потолок, пуля застряла в балке. Михаил даже не вздрогнул.

— Ты не выстрелишь в меня, — сказал он. — Ты слишком правильная. Ты сначала должна оформить бумаги, получить ордер, вызвать адвоката. А я за это время уйду.

Он сделал шаг в сторону. Анна выстрелила снова — теперь в пол, у его ног.

— Следующая пуля — в колено, — сказала она ледяным голосом. — Ложись.

Михаил посмотрел на неё долгим взглядом. Потом медленно опустился на колени, затем лёг на живот, заложив руки за голову.

— Вызывай своих, — сказал он. — Но ты всё равно проиграешь, Волкова. Учитель не я. И ты его никогда не найдёшь.

Анна достала телефон, набрала номер Горелова.

— Срочно. Заброшенная ферма, 15 километров от города. У меня подозреваемый в убийствах. Присылайте группу.

Она убрала телефон, наступила ногой на спину Михаилу, чтобы он не встал. В руке — пистолет. В голове — его слова.

Ты не выстрелишь в меня.

Она не выстрелила. Но очень хотела.

Она встала. Нога затекла от долгого сидения, пришлось опереться на перила. Внутри кордона ждал рюкзак — собранный ещё вчера, будто она предчувствовала звонок. Бронжилет, старой модели, но надёжный. Пистолет Макарова с двумя обоймами. Диктофон. Ноутбук. И маленькая коробочка с вещами Нади: зажигалка, сломанные часы, прядь волос в целлофановом пакете.

Она взяла коробочку, подержала в руках, положила обратно. Не сейчас.

На столе осталась записка для соседа-пастуха: «Присмотри за Шаманом. Корм в тумбочке. Вернись через неделю». Анна знала, что пастух не умеет читать, но Шаман — умный пёс, он сам доберётся до корма. А сосед просто увидит, что дверь закрыта, и поймёт.

Она вышла. Села в старый УАЗ, который когда-то принадлежал лесничеству. Ключ повернулся с третьего раза — мотор чихнул, закашлял и завёлся. Шаман остался на крыльце, не провожал. Только смотрел, как машина уходит в степь, поднимая облако пыли.

Дорога до райцентра Степной заняла два часа. Анна ехала молча, выключив радио. За окном тянулась однообразная картина: жёлтая трава, редкие кусты тамариска, белые пятна солончаков. Иногда попадались фермы — ржавые крыши, пустые загоны. Люди уезжали отсюда, как вода из пересохшего русла. Оставались только те, кто не умел жить в горо-

дах. Как она.

На полпути зазвонил телефон. Ковалёв.

— Ты где? — без приветствия.

— Через час буду. Что ещё нашли?

— Пока ничего. Но ты слышала про четвёртую?

— Какую четвёртую? — Анна нахмурилась.

— Ночью нашли. Тоже девушка, тоже узоры на спине. И, Аня... — Он замолчал, будто подбирал слова. — На ней платье. Синее, в горошек. Такое же, как у Нади в тот день.

Анна не ответила. Руки на руле побелели. Она смотрела на дорогу, но видела перед собой только то синее платье — Надя купила его на распродаже за неделю до смерти, хвасталась: «Смотри, какое весёлое! В нём даже в морг не страшно ехать». Она тогда смеялась. Анна тоже улыбнулась, хотя никогда не находила юмор медиков уместным.

Теперь это платье стало саваном для незнакомой девушки.

— Олег, — сказала она медленно. — Если ты шутишь, я сверну тебе шею.

— Я не шучу. Приезжай — сама увидишь.

Он отключился. Анна нажала на газ, и УАЗ рванул вперёд, подпрыгивая на ухабах. Через сорок минут она въехала в Степной.

Городок напоминал умирающий организм. Центральная улица с облезлыми пятиэтажками, магазин с вывеской «Продукты», где половина букв отсутствовала, здание админи-

страции с флагом, выцветшим до грязно-белого цвета. Людей почти не было — только бабка на скамейке с семечками и пьяный мужик, который пытался поймать такси, но падал каждые три шага.

Отделение полиции находилось на окраине — двухэтажное серое здание с треснувшим крыльцом. Во дворе стояли две «Нивы» и старый автобус ППС. Анна заглушила мотор, достала из бардачка удостоверение — просроченное на год, но всё ещё похожее на настоящее. Поправила куртку, взяла рюкзак.

Внутри пахло мастикой для пола, дешёвым табаком и страхом. Анна знала этот запах — он всегда сопровождал маленькие отделы, где раскрываемость ниже средней по стране, а начальник пьёт зажим с замполитом. Дежурный, молодой лейтенант с прыщавым лицом, поднял голову:

— Вы к кому?

— К Ковалёву. Сказал, что ждёт.

— А вы та самая... из Москвы?

— Я та самая, — Анна не улыбнулась. — Где его кабинет?

Лейтенант показал на лестницу. Второй этаж, третья дверь. Анна поднялась, не стуча, вошла.

Кабинет был маленьким — стол, два стула, сейф, портрет президента на стене. На столе — папки, окурки в пепельнице, кружка с засохшим кофе. Олег Ковалёв сидел, развалившись в кресле, но когда увидел Анну, встал. За два года он постарел: морщины глубже, седины больше, под глазами

мешки. Но взгляд остался прежним — цепким, оценивающим.

— Здравствуй, Аня, — сказал он, протягивая руку. — Спасибо, что приехала.

Анна не пожала руку. Она смотрела на него так, будто видела впервые. Двадцать лет знакомства — и сейчас она пыталась понять, где правда, а где ложь. Но лицо Ковалёва ничего не выдавало. Он умел прятать.

— Покажи мне тело, — сказала она.

— Сразу? Может, кофе? — Он кивнул, имея ввиду турку.

— Я сказала — тело.

Ковалёв вздохнул, взял папку со стола. «Идём. Только предупреждаю: у нас тут новый следователь СК, Горелов. Он из Питера, его прислали после того, как второе тело нашли. Он весь такой правильный, по процедурам. Может, будет фыркать».

— Мне плевать.

Они вышли в коридор. По пути Ковалёв рассказывал: первая жертва — два месяца назад, девушка 22 года, работница пекарни. Вторая — через три недели, 19 лет, студентка, приехала на каникулы к бабушке. Третья — десять дней назад, 31 год, уборщица в школе. Всех нашли в степи, в радиусе 30 километров от озера. На спинах — геометрические узоры, вырезанные острым предметом. Смерть от потери крови.

— Четвёртую нашли сегодня утром, — добавил он. — На обочине дороги, на старую ферму. Платье синее. И, Аня...

там ещё кое-что.

— Что?

— Не буду говорить. Сам увидишь.

Морг находился в подвальном помещении той же полиции — дёшево и сердито. Анна спускалась по бетонным ступеням, вдыхая запах формалина и ещё чего-то сладковатого, от чего сводило желудок. Внизу их встретил патологоанатом — маленький лысый человечек в замытом халате, с лицом вечного пессимиста.

— Волкова, да? — спросил он, не дожидаясь представления. — Меня зовут Борис Маркович. Я здесь работаю двадцать лет. Таких узоров не видел никогда. Ни до, ни после. Это не просто порезы. Это рисунок. Художественный.

— Покажете, — кивнула Анна.

Борис Маркович подвёл её к стальному столу, накрытому простынёй. Ковалёв остался у двери, скрестив руки. Анатом сдёрнул простыню.

Анна смотрела долго. Девушка была молодой — лет двадцать пять, не больше. Светлые волосы, спутанные в колтунны. Лицо бледное, с застывшим выражением удивления. На ней действительно было синее платье в белый горошек — такое же, как у Нади. Размер, фасон, даже вырез — копия. Анна почувствовала, как в груди закипает холодная ярость, но подавила её.

— Переверните, — сказала она.

Патологоанатом и его помощник перевернули тело на жи-

вот. Анна наклонилась. Узор на спине был сложным: от лопаток до поясницы тянулись линии, образующие цветок папоротника. Лепестки — аккуратные, симметричные, с идеальной глубиной порезов. Кожа вокруг них была воспалена — значит, резали живую.

Анна провела пальцами в перчатке над ранами, не касаясь.

— Что скажете? — спросил Ковалёв из-за спины.

— Скажу, что вы ошиблись. Это не Фотограф.

— Почему?

— У Фотографа был другой почерк. Он резал круговыми движениями, неравномерно. Здесь — точные, прямые линии. Это делал не садист, а перфекционист. Кто-то, кто умеет работать с кожей. Может быть, хирург, татуировщик, кожевник.

— Или мясник? — вставил новый голос.

Анна обернулась. В дверях стоял мужчина лет тридцати пяти, высокий, светловолосый, в строгом костюме, который смотрелся чужеродно в этом морге. Следователь СК — Горелов. Он смотрел на Анну с плохо скрываемым скептицизмом.

— Вы Волкова? — спросил он. — Бывший профилиер? Насколько я знаю, вы уволены из органов по состоянию здоровья.

— Насколько я знаю, — ответила Анна, не поворачиваясь к нему, — ваше дело — задавать вопросы на допросах, а в

морге — слушать меня.

Горелов усмехнулся:

— И что же вы нам скажете, госпожа эксперт? Кроме того, что это не Фотограф? Хотя кто такой Фотограф? Я просмотрел старые дела — серийный убийца, пропавший без вести. Его так и не поймали. Вы его вели?

— Я его почти поймала, — холодно сказала Анна. — А теперь не мешайте.

Она снова склонилась над телом. Закрыла глаза. Включила тот самый механизм, который когда-то пугал преподавателей и напарников. Она не видела — она чувствовала. Запахи, вибрации, крошечные несоответствия.

— Убийца левша, — сказала она, не открывая глаз. — Но резал правой рукой. Это значит, он тренировался. Делал это много раз — возможно, на животных. Нож тонкий, скальпель или лезвие. Он работает быстро, без колебаний. Он не боится крови.

Она открыла глаза и посмотрела на лицо девушки.

— Она не кричала. Потому что он сначала вколол ей что-то — местный анестетик или сильное обезболивающее. На внутренней стороне локтя — след от укола. Видите? — Анна указала на крошечную точку.

Горелов подошёл, наклонился. Кивнул медленно.

— И что это меняет?

— Это меняет всё, — Анна выпрямилась. — Это не ма-
ньяк-импульсивник. Это расчётливый, терпеливый человек.

Он хочет, чтобы жертва чувствовала каждый надрез, но не могла сопротивляться. Он получает удовольствие не от боли, а от контроля.

Она перевела взгляд на платье.

— И этот наряд — не совпадение. Кто-то знал мою сестру. Или знал о ней. Это сообщение для меня. Вызов.

Ковалёв побледнел. Горелов нахмурился:

— Вашу сестру убили в другом городе, при других обстоятельствах. Вы уверены, что не проецируете?

Анна повернулась к нему. Взгляд стал тяжёлым, почти физически ощутимым.

— Посмотрите мне в глаза, Горелов. И скажите, что я похожа на женщину, которая проецирует. Я здесь, потому что вы позвали. Потому что эти девушки умирают. И если вы будете тратить моё время на сомнения — я уеду. И вы останетесь с четырьмя трупами, нулём подозреваемых и умирающим городом, который скоро превратится в призрак.

Они смотрели друг на друга несколько секунд. Горелов отвернулся первым.

— Хорошо, — сказал он. — Что предлагаете?

— Материалы по всем трём предыдущим жертвам. Фото мест преступлений, протоколы вскрытия, список вещей. И комнату, где я могла бы работать. Немедленно.

Ковалёв кивнул:

— У нас есть пустой кабинет на первом этаже. Раньше был архив.

— И кофе. Чёрный, без сахара. — Анна сняла перчатки и бросила их в утилизатор. — Я буду работать всю ночь. Утром скажу, есть ли шанс.

Она вышла из морга, не оглядываясь. На лестнице она остановилась, прислонилась к стене. Руки дрожали. Не от страха — от гнева. Тот самый холодный мотор, который гудел в ней годами, включился на полную мощность.

Она знала, что этот вызов — от Учителя. Или от Ученика. Но главное — он знал про Надю. И использовал её память как приманку.

Анна Волкова была приманкой всю свою жизнь. Сначала для Фотографа, теперь — для его последователей. Разница была в том, что приманка иногда выживает. А иногда — кусает.

Она выпрямилась, поправила куртку и пошла в архив. Работать.

Глава 4. Ученик говорит

Группа захвата прибыла через двадцать минут, но Анне эти минуты показались часами. Она стояла над Михаилом Охрименко, наступив ногой ему между лопаток, и не спускала пальца со спускового крючка. Михаил лежал неподвижно, только изредка поворачивал голову, чтобы посмотреть на неё через плечо. Взгляд у него был спокойный, даже скупающий. Будто его задержание — не катастрофа, а часть какого-то плана.

— Ты когда-нибудь уставала так стоять? — спросил он под конец. — У меня уже спина затекла.

— Потерпишь, — ответила Анна. — Или я могу пристрелить тебя и сказать, что ты напал. В степи такое бывает.

— Не пристрелишь. Ты не убийца.

— Ты уверен?

Он улыбнулся той же кривой улыбкой, и Анна с трудом удержалась, чтобы не ударить его ногой по лицу. Внутри клокотала ярость — не профессиональная, а личная. Она видела перед собой человека, который надевал кофту её мёртвой сестры на тело другой женщины. Человека, который резал живых девушек и наслаждался их болью. И этот человек лежал у её ног, и она имела полное право разmozжить ему череп прикладом.

Но она не сделала этого. Потому что тогда он выиграет.

Потому что закон есть закон. И потому что Надя, если бы могла выбирать, попросила бы её не пачкаться.

Первым приехал Горелов на своей «Ниве», затем — два уазика с бойцами СОБРа. Степь наполнилась рёвом моторов, криками команд, топотом сапог. Анна, наконец, убрала ногу со спины Михаила и отошла в сторону. Бойцы скрутили его, надели наручники, обыскали. В пакете, который он принёс, оказались продукты, новая упаковка лидокаина и женские трусы — явно не его.

— Чьи это? — спросил Горелов, показывая на трусы.

— Нашёл, — пожал плечами Михаил. — Вампиры? Мне нравится коллекционировать.

— Это вещи жертв? — спросил Горелов, обращаясь к Анне.

— Скорее всего, да. Надо проверить по списку пропавших вещей.

Михаила увели к машине. По дороге он обернулся и крикнул Анне:

— Скажи, Волкова, тебе не интересно, кто Учитель? Или ты думаешь, что это я? Думай дальше.

Его затолкали в уазик, хлопнули дверцей. Горелов подошёл к Анне, протянул фляжку с водой.

— Выпей. Выглядишь так, будто сейчас упадёшь.

Анна взяла фляжку, сделала глоток. Вода была тёплой, с привкусом металла, но горло перестало саднить.

— Спасибо, что быстро приехали, — сказала она.

— Не благодарите. Вы нарушили кучу инструкций: самовольное задержание, применение оружия без предупреждения, отсутствие понятых. Если адвокат Охрименко будет хорош, ваши показания могут не принять.

— Примут. Потому что я нашла его на месте, где он хранил улики. Это косвенное, но доказательство.

Горелов вздохнул, убрал фляжку.

— Поехали в отдел. Будем допрашивать. Вы — как специалист, я — как следователь. Без самодеятельности.

— Договорились, — кивнула Анна.

Она села в машину к Горелову — свой УАЗ оставила на ферме, её потом заберут криминалисты. По дороге в город она молчала, прокручивая в голове каждое слово Михаила. *«Ты думаешь, что это я?»*. Нет, она так не думала. Михаил был учеником — импульсивным, жестоким, но не главным. Учитель оставался в тени. И теперь, когда ученика взяли, Учитель либо заляжет на дно, либо начнёт действовать активнее. Анна надеялась на второе — тогда его можно будет выманить.

В отделении их уже ждали. Ковалёв суетился, раздавал указания, проверял, готов ли кабинет для допроса. Увидев Анну, он подошёл и положил руку на плечо.

— Молодец, — сказал он тихо. — Я волновался.

— Зря, — ответила Анна, убирая его руку. — Мне нужно полчаса, чтобы привести себя в порядок. Потом начнём.

Она ушла в туалет, умылась холодной водой, посмотрела

на себя в зеркало. Из зеркала на неё смотрела женщина с жёсткими глазами и седыми прядями, которых ещё год назад не было. Анна провела пальцами по шраму на скуле — память о деле Фотографа. Шрам был тонким, белым, почти незаметным, но она чувствовала его всегда.

— Ты справишься, — сказала она себе. — Ты всегда справлялась.

Из туалета она вышла другой — спокойной, собранной, готовой к допросу. Взяла диктофон, блокнот, ручку. Прошла в кабинет, где уже сидел Горелов, а напротив него — Михаил Охрименко в наручниках, пристёгнутых к кольцу в столе. Рядом с Михаилом — адвокат, женщина лет сорока в строгом костюме, с лицом, которое не выражало ничего.

— Здравствуйте, — сказала Анна, садясь рядом с Гореловым. — Меня зовут Анна Волкова, эксперт-криминалист. Я буду присутствовать на допросе.

— Это законно? — спросила адвокат.

— Вполне, — ответил Горелов. — Госпожа Волкова приглашена как консультант по особо сложным делам. У неё есть допуск.

Адвокат пожала плечами, не стала спорить. Михаил смотрел на Анну с лёгкой усмешкой, будто они сидели в кафе, а не в кабинете для допросов.

— Итак, Михаил Охрименко, — начал Горелов. — Вы обвиняетесь в совершении серии убийств на территории Степного района. Вам предъявят обвинение после того, как мы

соберём все доказательства. Пока же мы хотим задать вам несколько вопросов.

— Без адвоката ни слова не скажу, — вставила адвокат.

— Я и не прошу без адвоката, — Горелов был вежлив, но твёрд. — Михаил, вы признаёте, что находились на ферме, где были обнаружены улики?

— Я живу на ферме, — пожал плечами Михаил. — Это моя собственность, оформлена на отца. Имею право там находиться.

— А эти? — Горелов выложил на стол пакет с лидокаином и женскими трусами. — Ваши?

— Лидокаин — для зубов. У меня кариес. Трусы — моей девушки. Она уехала, забыла.

— Назовите имя девушки.

— Не помню.

— Вы помните имя, — вмешалась Анна. — Вы помните каждую деталь. Это видно по тому, как аккуратно вы вырезаете узоры на спинах. Вы не забываете имён.

Михаил перевёл взгляд на неё. Усмешка исчезла.

— Откуда вы знаете про узоры, госпожа эксперт? Вы их видели?

— Видела. Четыре раза. Пятый — сегодня утром. Вы оставили кофту моей сестры на теле жертвы. Вы хотели, чтобы я увидела. И я увидела.

Адвокат подняла руку:

— Моему подзащитному не предъявлено официальное

обвинение в убийствах. Никаких доказательств, связывающих его с преступлениями, нет. Просьба не вести допрос в агрессивном ключе.

Горелов кивнул, жестом попросил Анну сбавить тон. Но Анна не собиралась сбавлять.

— Михаил, — сказала она спокойнее. — Расскажите мне о вашем отце. Тимофее Охрименко. Он жив?

— Жив, — ответил Михаил. — А что, вы хотите его арестовать за то, что он вырастил такого сына? Это не преступление.

— Где он сейчас?

— Понятия не имею. Мы не общаемся.

— Ложь, — сказала Анна. — Вы жили на ферме вдвоём. Соседи видели вас. Вы ездили в город за продуктами. Вы — правша, но левша. Отец научил вас резать левой рукой, а вы режете правой — в знак протеста. Он — Учитель, вы — Ученик.

Михаил замолчал. Впервые его лицо стало серьёзным. Адвокат что-то шептала ему на ухо, но он не слушал.

— Вы умная женщина, Анна Волкова, — сказал он, наконец. — Умная и опасная. Но вы не понимаете главного. Учитель — это не тот, кто учит. Учитель — это тот, кто вдохновляет. Мой отец никогда не брал в руки нож. Он только рассказывал истории. Истории о Фотографе. О том, как тот резал, как убивал, как оставался неуловимым. Я слушал эти истории с детства. И однажды понял: я могу лучше. Я могу

создавать красоту.

— Красоту? — переспросила Анна. — Вырезанные спины — это красота?

— Для того, кто умеет видеть, — да, — Михаил говорил спокойно, будто читал лекцию. — Каждый узор — это отражение души жертвы. Первая была пекарем — я вырезал ей колосья. Вторая — студенткой, я вырезал ей формулу счастья, которую она искала. Третья — уборщица, ей я вырезал молитву. Четвёртая — просто девушка, но я надел на неё платье вашей сестры, чтобы вы поняли: мы с вами на одной волне.

— Мы не на одной волне, — отрезала Анна. — Я ловлю таких, как вы. И я поймала вас.

— Меня — да. Но Учителя — нет. И пока он на свободе, он найдёт нового ученика. Или станет действовать сам.

Михаил откинулся на спинку стула, насколько позволяли наручники. Горелов и Анна переглянулись. Адвокат подала голос:

— Мой подзащитный устал. Допрос следует перенести.

— Нет, — возразила Анна. — Ещё один вопрос. Где Тимофей Охрименко?

— В степи, — Михаил улыбнулся. — Он всегда в степи. Как и вы, Степной волк. Может быть, вы встретитесь. Если он захочет.

На этом Горелов закончил допрос. Михаила увели в камеру предварительного заключения. Анна осталась сидеть за

столом, глядя на пустой стул напротив.

— Что думаете? — спросил Горелов.

— Он не главный, — ответила Анна. — Тимофей — мозг. Михаил — руки. Без Тимофея Михаил — никто. Но Тимофей теперь исчезнет, уйдёт в глубокое подполье. Нам нужно найти его, пока он не объявился с новым учеником.

— Как искать?

— Через прошлое. Через Фотографа. Тимофей знал Фотографа лично. Возможно, он был его соглядатаем², помощником. Надо поднять все старые дела о Фотографе, найти связи, которые мы упустили. И найти Олега.

Горелов удивлённо поднял бровь:

— Ковалёва? При чём здесь он?

Анна замялась. Она не могла рассказать Горелову о своих подозрениях — недостаточно доказательств, только смутные ощущения и телефонный звонок Тимофея. Но она знала: Олег Ковалёв — ключ. Если он предатель, то он связующее звено между следствием и убийцами.

— Неважно, — сказала она. — Я сама разберусь. Дайте мне доступ к архиву по делу Фотографа. В электронном виде.

— Это закрытые материалы.

— Я имею допуск. Бывший, но могу восстановить через главк.

Горелов помолчал, потом кивнул:

— Я позвоню, договорюсь. Но вы должны быть осторож-

ны, Анна Викторовна. Если Тимофей Охрименко действительно тот, кого вы ищете, он будет защищаться. И не только руками ученика.

— Я знаю, — сказала Анна. — У меня есть свой способ защиты.

Она встала, взяла блокнот, вышла. В коридоре её ждал Ковалёв. Он смотрел на неё странным взглядом — будто видел впервые или боялся спросить о чём-то.

— Ну что? — спросил он. — Признался?

— Частично. Умный очень. И опасный.

— Ты как? Держишься?

— Держусь, — ответила Анна. — Олег, мне нужно с тобой поговорить. Наедине.

Ковалёв кивнул, провёл её в свой кабинет, закрыл дверь. Анна села на стул, положила блокнот на стол. Смотрела на него несколько секунд.

— Когда мы работали по Фотографу, ты знал, что у него есть сообщник?

— Нет, — ответил Ковалёв. — Ты первая заговорила о двойном следе.

— А о том, что сообщник — Тимофей Охрименко?

— Откуда? Я даже не знал этого имени до нынешнего дела.

— Странно, — Анна прищурилась. — Потому что Тимофей утверждает, что вы знакомы. Он сказал мне по телефону, что вы — «свой». Что вы росли в одном детдоме с Фото-

графом и с ним.

Ковалёв побледнел. Побледнел так, что веснушки на лице стали тёмными пятнами.

— Аня, это ложь. Я никогда не был в детдоме. У меня есть родители, они живут в Твери. Ты их знаешь.

— Знаю, — согласилась Анна. — Но Тимофей сказал это не просто так. Он хочет, чтобы я тебе не доверяла. Или он говорит правду? Проверить твоё прошлое мне несложно. Обидно будет, если окажется, что ты врал мне двадцать лет.

Ковалёв встал, подошёл к окну. За стеклом — серая степь и низкое небо. Он стоял молча, потом повернулся.

— Проверь, — сказал он глухо. — Я не боюсь проверки. Но, Аня, если ты начнёшь подозревать каждого, кто был рядом, — останешься одна. А в одиночку в степи долго не живут.

— Я уже давно одна, — ответила она. — И ничего, живу.

Анна встала, вышла из кабинета. В коридоре она достала телефон, набрала номер старого знакомого в Москве — начальника архива МВД.

— Привет, Сергей Иванович. Это Волкова. Мне нужно полное досье на одного человека. Фамилия Ковалёв, имя Олег, отчество Викторович. Всё: место рождения, образование, служба, родственники, связи. И побыстрее.

— Аня, ты же уволена, — сказал голос в трубке.

— Я знаю. Но это по старому делу Фотографа. Он снова проявился.

Трубка помолчала, потом ответила:

— Через три часа скину на почту.

— Спасибо.

Анна убрала телефон, вышла на крыльцо. Степь дышала ей в лицо сухим ветром. Где-то там, среди жёлтой травы и белых солончаков, прятался Тимофей Охрименко. Старик, который воспитал убийцу. Который знал Фотографа. Который, возможно, знал Олега.

И который теперь знал, что Анна идёт по его следу.

— Я иду, — прошептала она ветру. — И я тебя найду.

Ветер не ответил. Только донёс запах соли — горькой, как слёзы, и древней, как сама степь.

Глава 5. Тени прошлого

Ночь после допроса Анна провела не в архиве, а в гостинице. Горелов настоял — сказал, что ей нужно выспаться, иначе завтра она рухнет прямо на месте преступления. Анна не спорила, хотя знала: всё равно не заснёт. Но в гостинице, в тесном номере с жёлтыми обоями и запахом дешёвого освежителя, она хотя бы могла лечь, вытянуть больную ногу и смотреть в потолок, не боясь, что кто-то войдёт.

Она не спала. Лежала с открытыми глазами и думала.

Михаил Охрименко — ученик, руки, исполнитель. Его взяли, но он не будет говорить. Такой тип наслаждается своим молчанием, своей тайной. Он будет кормить их кусочками информации, играть, как кошка с мышкой. А Тимофей — учитель, старый, мудрый, неуловимый — он уже знает, что сына арестовали. И теперь он либо скроется, либо начнёт действовать сам.

Анна поставила на второе.

Она закрыла глаза и попыталась представить Тимофея Охрименко. Шестьдесят два года, бывший зоотехник. Живёт на отдалённой ферме, знает степь как свои пять пальцев. Потерял жену, вырастил сына, который оказался садистом. Научил его истории Фотографа. Для чего? Для мести? Для продолжения дела? Или просто потому, что хотел передать кому-то знание, которое копилось годами?

Анна достала телефон, посмотрела на экран. Сообщения от Сергея Ивановича из Москвы ещё не было — тот обещал прислать досье на Ковалёва только утром. Она набрала сообщение: «Не забудьте», — отправила.

Потом перевернулась на бок, подтянула колени к груди. Правая нога ныла — погода менялась, и старая травма давала о себе знать. Анна помассировала лодыжку, вспомнила, как в реабилитационном центре училась ходить заново. Врач говорил: «Волкова, вы железная. С таким позвоночником другие в инвалидной коляске остаются, а вы на ноги встали». Она не ответила, что её держало на ногах — не железо, а ярость. Ярость, которая не остыла за два года.

Она заснула только под утро, когда за окном начало сеять. И спала всего два часа — разбудил звонок телефона.

— Волкова, — голос Горелова был бодрым, будто он не спал всю ночь. — Поднимайтесь. Охрименко просит адвоката и хочет дать показания.

— Какие показания? — Анна села, пытаясь прогнать остатки сна.

— Говорит, что знает, где находится отец. Но хочет заключить сделку.

— У него ничего не выйдет — у нас достаточно улик. Но слушать надо.

— Я заеду через десять минут, — сказал Горелов и отключился.

Анна встала, умылась ледяной водой, натянула джинсы и

свитер. Трость оставила в углу — сегодня нога болела меньше. Она взяла рюкзак, проверила пистолет — два магазина, патрон в стволе. Затолкала всё в рюкзак, вышла.

Гостиница стояла на окраине, рядом с автовокзалом. Утро в Степном было серым, холодным, по асфальту стучали редкие капли — начинался дождь. Анна подняла воротник куртки, села в машину Горелова. Он выглядел свежим, в чистой рубашке, выбритый. Пахло от него хорошим одеколоном — контраст с общей убогостью города.

— Выспались? — спросил он, заводя мотор.

— Достаточно, — соврала Анна.

Они поехали в отдел. По дороге Горелов рассказывал: ночью Михаила перевели в более надёжную камеру, но он вёл себя спокойно, даже попросил книгу почитать. Дал «Мастера и Маргариту».

— Цитирует оттуда, — добавил Горелов. — «Люди как люди, любят деньги, но ведь это всегда было... Ну, легкомысленны... ну, что ж... и милосердие иногда стучится в их сердца». Выглядит очень интеллигентно. Не похож на маньяка.

— Самый страшный маньяк — тот, кого не видно, — сказала Анна. — Обычный, вежливый, начитанный. Пока не вскрыет вам живот.

В отделе было тихо — выходной день, начальства нет. Ковалёва не было видно. Анна спросила у дежурного, где он, тот пожал плечами: «Уехал в область, сказал, по делам». Анна нахмурилась — удобное время для исчезновения. Но она

пока отложила подозрения.

В кабинете для допросов Михаил уже сидел в наручниках, рядом — адвокат, та же женщина. Войдя, Анна обратила внимание на её лицо — оно было напряжённым, будто адвокат не спала всю ночь. Видимо, Михаил был не самым лёгким клиентом.

— Итак, — начал Горелов, садясь напротив. — Вы хотели сообщить нам что-то важное?

— Да, — Михаил смотрел на Анну, а не на следователя. — Я скажу, где мой отец. Но взамен я хочу, чтобы мне смягчили приговор. С учётом сотрудничества со следствием.

— Вы совершили серию жестоких убийств, — жёстко сказал Горелов. — Смягчение приговора невозможно. Но суд может учесть вашу помощь в качестве смягчающего обстоятельства. Это максимум.

Михаил вздохнул, будто ожидал этого ответа.

— Тогда я скажу не всё. Но достаточно, чтобы вы его нашли.

— Говорите, — Анна скрестила руки на груди.

— Отец живёт не на ферме. Он там ночует иногда, но основное место — солевой комбинат. Заброшенный, на южном берегу озера. Там есть подземные тоннели, ещё советские. Он их обустроил — провёл свет, воду, даже интернет.

— Комбинат закрыт десять лет, — заметил Горелов.

— Для людей — закрыт. Для него — нет. Он работает там сторожем неофициально. Знает все ходы, все выходы. Если

вы поедете туда без подготовки — он уйдёт через чёрный ход.

Анна запомнила информацию. Комбинат — это то место, о котором она думала, когда смотрела на карту. Там была соль, там были тоннели — идеальное убежище для того, кто знает степь.

— Что ещё? — спросила она.

— У него есть оружие. Не нож, а пистолет. И он не боится его использовать. Он говорил, что умрёт, но не сдастся.

— Зачем он это делает? Зачем все эти убийства, узоры, послания?

Михаил улыбнулся своей кривой улыбкой.

— Разве вы не поняли, Анна Волкова? Это театр. Он — режиссёр. Вы — главная зрительница. Каждая жертва — сцена, каждый узор — реплика. Он хотел, чтобы вы пришли. И вы пришли.

— А ваша роль?

— Я — актёр. Самый лучший. Я воплотил его идеи в жизнь. А теперь, когда спектакль раскрыт, он уйдёт за кулисы. И начнёт новый. Без меня.

Михаил замолчал. Адвокат что-то писала в блокноте. Горелов посмотрел на Анну, она кивнула — достаточно.

Допрос закончили. Михаила увели, адвокат вышла следом. Горелов повернулся к Анне:

— Что думаете?

— Правда, но не вся. Комбинат — место, где можно спря-

таться. Но Тимофей наверняка уже знает, что сын сдал его. Значит, он либо ушёл, либо готовит ловушку.

— Тогда едем на комбинат сейчас, — предложил Горелов.

— Возьмём группу, перекроем выходы.

— Нет. Если мы нагрянем всей толпой, он уйдёт через тоннели. Нужен кто-то один, кто сможет незаметно проникнуть. Я.

— Опять вы одна? — Горелов покачал головой. — Нет, Анна Викторовна. Вы гражданское лицо, да ещё с травмой. Я не позволю.

— А я и не спрашиваю. Я еду. Вы — с группой подстраховки снаружи. Если через два часа я не выйду на связь — штурмуете.

Горелов хотел возразить, но Анна уже вышла из кабинета.

Она нашла Ковалёва? Нет, его не было. Но в его кабинете она заметил открытый сейф — Ковалёв второпях что-то искал? Анна заглянула внутрь — пусто, только старая папка с надписью «Фотограф. Личное». Она взяла папку, быстро пролистала. Внутри — фотографии места последнего преступления Фотографа, отчёты, вырезки из газет. Но в конце — листок, исписанный от руки. Почерк Ковалёва.

«Фотограф — Михаил Соболев, 1958 г.р. Детдом №3 г. Твери. Одногоруппники: Ковалёв О.В., Охрименко Т.П.»

Анна замерла. Тверской детдом. Ковалёв врал. Врал, что никогда не был в детдоме. Врал о родителях в Твери — возможно, приёмных. Врал двадцать лет.

Она положила папку на место, закрыла сейф. Пальцы дрожали. Не от страха — от ярости. Олег был другом. Она доверяла ему жизнь. А он оказался частью той же цепи, что Фотограф и Тимофей.

Но сейчас не время разбираться. Сначала Тимофей. Потом — Ковалёв.

Анна вышла из отдела, села в свою машину — УАЗ пригнали с фермы. Завела, поехала к комбинату. По дороге она набрала номер Горелова:

— Я еду. Группу готовьте через час. И, Горелов... не говорите Ковалёву. Ни слова.

— Почему?

— Потому что он, возможно, связан с убийцей. Я проверю. Позже.

Она отключилась, бросила телефон на пассажирское сиденье. Степь за окном была серой, дождливой, дорога размокла — УАЗ заносило на поворотах. Анна вела машину молча, сжав зубы.

Через сорок минут она увидела силуэты комбината — серые здания, трубы, ржавые конструкции. Всё это было окружено колючей проволокой, но в одном месте проволока была разорвана — проход. Анна припарковалась в низине, чтобы машину не было видно, взяла пистолет, фонарик, рацию. Надела бронежилет, который взяла из отдела.

Дождь усилился. Анна пошла к разрыву в проволоке, нога увязала в грязи. Она старалась ступать бесшумно, но хлюпа-

нь выдавало её. Через минуту она уже была внутри территории комбината.

Здания стояли молчаливые, мрачные. В одном из них — административном корпусе — было разбито окно. Анна направилась туда, держа пистолет наготове. Внутри пахло солью, пылью и ещё чем-то сладковатым — кровью. Она включила фонарик, луч скользнул по стенам, по полу, по лестнице, ведущей вниз.

Подземные тоннели. Михаил не врал.

Она спустилась по лестнице, стараясь не шуметь. Внизу было темно, влажно, холодно. Стены — из ржавого железа, пол — бетонный, скользкий. Анна прошла по тоннелю, считая шаги. На стенах — граффити, но не уличные, а какие-то странные, похожие на узоры с тел жертв. Цветы папоротника, кристаллы соли, геометрические фигуры.

— Он жил здесь, — прошептала Анна. — Творил здесь.

В конце тоннеля показался свет. Анна приблизилась, заглянула за угол. Комната — метров двадцать квадратных, обставленная как жилая: кровать, стол, стулья, на стенах — фотографии. Фотографии жертв. И фотографии Нади. Много фотографий Нади — живые, счастливые, сделанные за долго до смерти.

В центре комнаты сидел человек. Старик, сторбленный, с седой бородой, в старом свитере. Он сидел на стуле и смотрел в одну точку. Рядом — столик, на нём пистолет и фотоаппарат.

— Тимофей Охрименко, — сказала Анна, входя в комнату, держа пистолет на уровне груди. — Вы арестованы.

Старик не двинулся. Только медленно повернул голову и посмотрел на неё. Глаза у него были светлые, выцветшие, но живые, внимательные.

— Здравствуй, Анна, — сказал он тихо. — Я ждал тебя.

— Встаньте. Положите руки на голову.

— Не торопись. Ты пришла сюда не одна? С тобой есть кто-то? — Он улыбнулся беззубым ртом. — А, неважно. Я знал, что Михаил сдаст меня. Он всегда был слаб.

— Вы создали монстра, — сказала Анна. — Вы научили его убивать.

— Нет, — покачал головой Тимофей. — Я научил его видеть красоту. А убивать он научился сам. У него это в крови. Как у тебя — выслеживать.

— Встаньте, — повторила Анна.

Тимофей медленно поднялся, опираясь на палку. Он был ниже, чем казалось, и более хрупкий. Но в глазах — сталь.

— Ты знаешь, Анна, кто я? — спросил он. — Я друг Фотографа. Настоящий друг. Не такой, как Олег, который продался ментам, а потом продал тебя.

— Олег — ваш друг?

— Мы вместе росли. В детдоме. Трое: я, Олег и Михаил — тот самый Фотограф, не мой сын, а тёзка. Олег всегда был трусом. Он пошёл в мусора, чтобы быть в безопасности. А когда ты появилась, он понял, что может использовать тебя

как прикрытие. И использовал.

Анна сжимала пистолет, но не стреляла. Ей нужно было больше.

— Где сейчас Фотограф?

— Умер. Недавно. Рак сожрал его. Я был у его постели. Он просил передать тебе привет. Сказал: «Скажи Степному волку, что я её не забыл. И Надю тоже не забыл».

— Заткнитесь, — прошептала Анна.

— Он оставил тебе подарок. Вон там, в шкафу. — Тимофей кивнул на старый шкаф в углу. — Иди посмотри.

— Не двигайтесь.

Анна боком подошла к шкафу, не сводя глаз с Тимофея. Открыла дверцу. Внутри висела та самая кофта «Ангел» — вторая? Но Надя носила одну. И платье синее — тоже висело. Анна поняла: это не вещи её сестры. Это копии. Сшитые специально для ритуалов.

А ещё там лежала старая фотография: трое мальчишек в детдомовской форме. Один — вылитый молодой Ковалёв. Другой — с лицом, похожим на Тимофея. Третий — высокий, светловолосый, с холодными глазами — Фотограф.

— Видишь? — сказал Тимофей из-за спины. — Мы были братьями не по крови, а по судьбе. И ты в этой судьбе — последняя деталь.

Анна повернулась. Тимофей стоял всё так же, но в руке его был пистолет. Она не заметила, как он взял его — отвлеклась на шкаф.

— Положи оружие, — сказал он спокойно. — Или я выстрелю. Я стар и болен, мне нечего терять.

Анна не положила. Она смотрела ему в глаза, и внутри неё холодный мотор гудел на полную мощность.

— Вы не выстрелите, — сказала она. — Если вы выстрелите, ваш спектакль закончится. А вы хотите, чтобы он продолжался. Вы хотите, чтобы я мучилась, искала, страдала. Убить меня — слишком просто. Вы не простой.

Тимофей усмехнулся. Опустил пистолет.

— Умная, — сказал он. — Очень умная. Жаль, что я не смог сделать из тебя ученицу.

— Но вы сделали из Олега предателя. И из Михаила — убийцу. Хватит.

Она шагнула к нему. Тимофей не сопротивлялся, когда она выбила пистолет у него из руки, заломила руку за спину.

— Вы арестованы, — повторила Анна. — Вам будет предъявлено обвинение в соучастии в убийствах.

— Нет, — сказал Тимофей. — Мне будет предъявлено обвинение в том, что я рассказывал сказки. А убивал Михаил. И вы это знаете.

— Мы докажем обратное.

Она вывела его из комнаты, по тоннелю, наверх. На поверхности её встретил Горелов с группой захвата — они уже приехали, услышав шум. Тимофея увели.

Анна осталась стоять под дождём, глядя, как старого человека сажают в машину. Она выиграла этот раунд. Но впе-

реди — Олег Ковалёв. И вопрос, который она боялась задать даже себе: был ли он просто другом, или всегда работал на ту сторону?

Она достала телефон. Сообщение от Сергея Ивановича: «Досье на Ковалёва готово. Смотри на почте».

Анна открыла почту. Пролистала файл. Глаза пробежали по строкам: «Ковалёв Олег Викторович, 1970 г.р., место рождения — г. Тверь. Воспитанник детского дома №3 (1970–1985). Приёмные родители — Ковалёвы, усыновлён в 1985 году. Однокурсники по детскому дому: Соболев Михаил Иванович (Фотограф), Охрименко Тимофей Петрович».

Всё сходилось. Ковалёв врал. Все двадцать лет.

Анна убрала телефон, села в машину. Дождь всё лил, и в нём тонула степь, и в ней тонула она сама.

— Олег, — прошептала Анна. — Зачем?

Ответа не было. Только шум дождя и где-то далеко — вой шакала.

Глава 6. Предатель

Дождь не прекращался. Он лил третий час подряд, превращая степь в болото, а дороги — в русла мутных рек. Анна вела УАЗ медленно, щётки едва справлялись с потоками воды. Она не торопилась — Тимофей Охрименко уже в машине Горелова, его везут в изолятор. Михаил в камере. Две главные цели взяты. Но третья, самая личная, оставалась на свободе.

Олег Ковалёв.

Анна сжимала руль так, что костяшки побелели. В голове крутились обрывки воспоминаний: вот они вместе пьют кофе после задержания опасного преступника, Олег хлопает её по плечу: «Молодец, Волкова, лучший профилиер в стране». Вот он стоит у гроба Нади, и слёзы текут по его щекам — или это тоже был спектакль? Вот он в кабинете, когда она сказала про запах овчины и соли, и его взгляд... тогда она не поняла, а теперь понимает — страх. Не за неё, а за себя.

— Тварь, — прошептала Анна, и слово утонуло в шуме дождя.

Она въехала в Степной. Город казался вымершим — ни людей, ни машин. Только у отделения полиции стояла «Нива» Горелова и два уазика. Анна припарковалась, выключила мотор. Несколько минут сидела, глядя на серое здание. Там, внутри, её ждали не только отчёты и допросы, но и пустой

кабинет Ковалёва. И, возможно, ответы.

Она вышла под дождь, подняла воротник, быстро прошла к крыльцу. Дежурный лейтенант, тот самый прыщавый парень, кивнул ей:

— Анна Викторовна, вас Горелов ждёт. Он в кабинете Ковалёва.

— Ковалёв вернулся?

— Нет. Горелов там, ищет что-то.

Анна поднялась на второй этаж. Дверь в кабинет Ковалёва была открыта. Горелов сидел за столом, перед ним — кипа бумаг, распечаток, фотографий. Увидев Анну, он поднял голову.

— Вы вовремя. Я тут нашёл интересные вещи. — Он подвинул к ней лист. — Смотрите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.